

М.Е. Суворова

Вологда

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

МАРИЯ СУВОРОВА: ЖИЗНЬ МЕЖДУ СТРОК

В беседе Марии Суворовой с редактором «Вестника ВоГУ» Л. Егоровой речь идет о жизненной и творческой биографии поэта, книгах, стихах, воспоминаниях.

Мария Суворова, Вологда, поэзия.

Л. Е. Давайте начнем с вопроса о социальных сетях. Они облегчают возможность обнаружения текстов, встраивают написанное в коммуникативный контекст, дают возможность мгновенного отклика. Вроде бы нет необходимости печатания книг: у поэтических сборников нет и, боюсь, не предвидится таких тиражей, какой есть у стихотворения в «раскрученном» поэтическом пространстве Интернета. Так ли это?

М. С. Так сложилось случайно, что часть текстов я выкладываю ВКонтакте. И, кстати, «под замком», то есть только для друзей. Это, скорее, потребность личная – выложить, как избавиться. Пока лежит «в столе», на компьютере, айфоне, айпаде или в буллетжурнале – да где угодно, напрягает. И эта потребность появилась в последние годы. Я сейчас практически не участвую в ЛИТО, семинарах и не хожу на другие мероприятия, где стихи обсуждают. А значит, способов открепить от самой себя написанное остается не так много. Вот и все, никаких особых смыслов. Просто выложить текст и жить дальше, думать дальше, писать, если получится.

Так ли это, что нет необходимости в классических публикациях? Не думаю, что нет необходимости. Но так вышло, что я автор малоизвестный и, судя по всему, не очень интересный журналам – как толстым, так и тонким (грустно улыбается). Что я могла сделать, чтобы быть интересной, и могу ли что-то для этого сделать в будущем? Понятия не имею и даже не пытаюсь понять. Пространство литературное, как любое другое, строится на многих условностях. Вкусах. Разности поколений. Отличиях стилистических. Характерах склочных, стержневых. Или поэтах безусловных. Настоящих, честных. И так как я не люблю условности – даже чашка на столе у меня будет стоять на безусловно отведенном для нее месте – то и сама предпочитаю оставаться на отведенном мне месте. И пока на этом месте нет официальных публикаций. Но есть люди, которым близко то, что я пишу. И это ценно.

Обсуждения? Раньше их было много. наших вологодских. Потом я ушла от этого. Исключительно обстоятельства. Ну, может, еще немного наскучило – ведь интересно слушать разные мнения, а когда из раза в раз одни и те же люди, то уже знаешь, что они скажут. Вот это чувство меня постепенно и увело от

обсуждений на литобъединениях. Но та школа, которую я прошла под крылом у Галины Щекиной, – мое все. Мне было 15, когда я к ней пришла. И, наверно, 22–23, когда оторвалась... И вот именно тогда я отчетливо (как саму себя услышала со стороны) поняла, как и что я хочу писать. Услышать саму себя оказалось сложнее всего. Закрыть уши. Глаза. И как будто ты в вакууме. И точно чувствуешь, четко осознаешь: где ты и какие из этого получаются слова.

Сегодня понимаю, что со стороны я – скорее книга закрытая, чем доступная каждому. Но у меня есть уверенность – так надо.

Л. Е. ЛИТО способствовало раскрытию творческой индивидуальности? Я правильно понимаю, что важный момент – когда ты читаешь новое, и это тактично и бережно, доброжелательно обсуждают, так что хочется продолжать творить?

М. С. Ну, конечно. Это была моя жизнь. А жизнь способствует... Что касается критики, то не особо беспокоюсь по этому поводу. В целом. Иногда бывает обидно, особенно если за критикой усматривается стремление уколоть, специально сделать больно, но это случаи редкие, особенные. Избавиться от такого давления всегда помогал внутренний анализ: мысленно выкладывала на «весь» все придирки, претензии, доводы «за» и «против». Качели опускались в одну из сторон, и все – как рукой снимало. В опыте вологодских ЛИТО помню больше плодотворной работы. Да и надо понимать, что люди разные: одни говорят все «как есть» (по их мнению), другие стараются «найти подход» (как им кажется). Склоняюсь к первому варианту. Люблю прямоту. Дипломатические виляния хвостом не считаю образцом порядочности. Такой подход не вызывает доверия. Ни в жизни, ни в литературе.

Л. Е. Расскажите о тех временах.

М. С. Я ходила к Галине Александровне на «Лист» вместе с Аксаной Халвицкой, Надей Гомзиковой, Лизой Чегодаевой, Ксенией Аксеновой, Региной Соболевой, Ваней Раменским, Наташей Камановой и еще несколькими ребятами. Мария Маркова, Антон Черный, Ната Сучкова были тогда уже за его пределами – в том смысле, что самостоятельными. Они старше. Они прошли «школу Щекиной» раньше. Они уже покоряли литературную столицу, собирали все премии, какие только можно, а мы «учились».

Л. Е. А где Лета и Наталия Боева?

Н. С. Лета Югай – талантливая, интеллигентная, образованная, чуткая. Наталия Боева – яркая, глаз не оторвать, завораживающая. Они – прекрасны. Всегда немного завидовала по-человечески: ведь «нельзя быть на свете красивой такой». Да и поэтически тоже. Лета, например, на ЛИТО не ходила, но мне кажется, я с ней знакома всю жизнь. И свой мир поэтический она создала практически сразу, начиная с первых книг – вологодских, не «Воймеги». Как не завидовать, когда ты сам как на американских горках – и по жизни, и в стихах. Но я сейчас с большим уважением говорю, потому что понимаю, какой труд стоит за каждым написанным словом. Ничто не дается «так просто». Возможно, в творческой судьбе Леты эти «горки» еще более крутые... Но мы об этом не знаем. Как не знаю, откуда берется звукопись Наталии Боевой. По ощущениям помню ее стихи. По необычайно «вкусным» сочетаниям.

Л. Е. А поэзия Наты?

Н. С. У Наты – своя страна (пока, Людмила, мы с Вами общаемся, вышла «Страна» Сучковой, знаково, да?). Она ее сама создала. Неподражаемую. Мне не дотянуться. Но я могу работать иначе. И работаю.

Л. Е. У меня нет сомнений в Вашей творческой индивидуальности и оригинальности подхода. Мне понравилась уже Ваша первая книга. Вы прочли мое вступление к этому блоку. Мое видение Вам созвучно?

М. С. Прочитав то, что Вы написали про первую книгу, – вздрогнула. Вспомнила. Уже прошло много времени, и те строки совсем забылись. А когда стала читать в Вашем эскизе, вспомнила. И ощутила дистанцию. Между тем, что было тогда, и тем, что сейчас.

Л. Е. Сформулируйте.

М. С. Сложилось писать про эту книгу. Уже подзабыла, что там. И считаю ее наименее удачной из трех. Когда была «Потерянная книга», мне все говорили: «Будь проще». Попробовала – все сказали: «О, как похоже на...». Сделала все, чтобы вернуться к собственному чувству слова. Решила не слушать никого. И постепенно родились «Марии». Потом с ними начала внутреннюю борьбу. Хотела двигаться дальше. И никак до сих пор не пойму, удалось или нет. Возможно, в этом движении точку должна поставить новая книга.

Л. Е. Мне кажется, это бесконечный процесс. И чувство слова у Вас было индивидуальным с самого начала. Во вступлении к третьей книге Ната прибегла – сначала мне показалось – к спорному слову, но потом я подумала о том, что она не права: «Марии Суворовой нравится запутывать, кружить вокруг да около, уводить в дебри» [3, с. 6]. Дебри как нечто малоисследованное, труднодоступное.

Давайте обратимся к одному из стихотворений. Мне представляется, характерному для Вас – неторопливому, медитативному, культурнонасыщенному. От него – название Вашей второй книги: «Город об одном дне».

*В Ханты-Мансийске – городе на пяти холмах,
В городе, о котором никто не мечтает,*

*О котором у нас вовсе не говорят,
Проводишь серые дни и ночи, не так и мало,
Всё то, что осталось, всё то, что можно
Называть своими именами – отец да мама,
Называть своими словами после меня:
«Рассвет», «смотреть», «огонь» и «слава»,
Об остальном говорить осторожно,
Не договаривая главного и возможного,
Лишь бы не казалось затишье безвременьем,
Лишь бы не казалось время замедленным.*

*В Спасе-Всеграде – городе об одном дне,
Помню, гуляли по самой холодной воде,
По забелённым до блеска пологим речным берегам,
В поисках камушка с дырочкой – там, где росла трава,
Там, где стоял дом, и над домом текла река,
Там, где склонялись ветви, но ветви склонялись зря,
Там, где вели ступеньки в дом на второй этаж,
Нет больше первого вестника, дыма зимы,
Тоненькой струйкой взлетающего из трубы.
Нет больше Спаса-Всеграда – города об одном дне.
Дом мой дрожит под града жестоким боем.
Всё, что осталось мне – на дне – камушек из реки.*

Ханты-Мансийск не случаен? (Я понимаю важность контраста: «город на пяти холмах» и «город об одном дне».)

Спас-Всеград традиционно ассоциируется с уничтоженным в Вологде в 1972 году Спасо-Всеградским или Всеградским обыденным собором во имя Спаса Всемилоостивого. Правильно ли я буквально прочитываю строку «В Спасе-Всеграде – городе об одном дне» как: 1) о временном промежутке – от «день», 2) о дне как пределе погружения, глубина – от «дно». И, думая о последней строке, мы имеем в виду и «дно души»?

Для Вас звучали коннотации, связанные с историей? –

1) Собор был построен на месте построенной за один день – 18 (28) октября 1654 года – деревянной церкви Спаса Всемилоостивого, которую называли «Всеградской».

2) Спустя 4 года после постройки церкви также за один день была написана икона Всемилоостивого Спаса, ставшая главной святыней храма и города.

Прокомментируйте, что считаете нужным.

М. С. Строку про «Спас-Всеград» Вы трактуете абсолютно верно. Во всех смыслах. В принципе, основная линия здесь – вологодская, та самая история об обыденном храме. Но все остальные варианты прочтения допустимы. Вообще люблю, когда рождаются именно варианты. Когда читатель «читает». Собственно, какая разница, что конкретно стоит за тем или иным текстом, если читающий для себя найдет свои смыслы? Конечно, продумываю хотя бы два пласта содержания, а еще оставляю воздух, стараюсь оставлять. И этот воздух – неотъемлемая часть «поэтического». Как еще может работать стихотворение, если не за счет тайны – той, что не очевидна для всех, но исключительно подходит каждому отдельно взятому человеку?

Могу сказать еще, что очень любила эту историю про Вологду, про то, как жители построили часовню

«об одном дне», то есть за один день, чтобы спастись от моровой язвы, а потом на этом месте возвели уже каменный храм, и он долгие годы был главным в городе. Как будто сама там была! Очень ярко представляю картинку: площадь, людей, стройку... А звучит как! – «об одном дне». Эту историю раньше рассказывала на каждом выступлении, предваряя прочтение. Я была влюблена в Вологду. И так выражала любовь, вплетая город в свои истории, а мои истории рождались из того, что мне преподносил город, и так по кругу. И так до сих пор. Но сегодня город приносит боль.

В Ханты-Мансийске никогда не была. В Ханты-Мансийске после окончания университета оказалась дорогая мне подруга М. И она рассказывала о городе, о том, что он на пяти холмах, о том, как там все не так, как в Вологде. И как он далек. Расстояние, разность, разлука. Пожалуй, таков смысл. Но он не объяснителен.

Л. Е. Желателен. Спасибо.

М. С. Если продолжить рассуждать на тему – что лежит за тем или иным текстом. Думаю, сама не вспомню, что и за чем стоит. Личная судьба – все равно основа. А вот насколько она видна... Это зависит от многого. И в моем случае – скорее, недоговаривания больше, чем откровенности. Но недоговаривания по сюжетной линии. По части эмоций, проговаривания нюансов чувствования – с этим, думаю, у меня все в порядке.

Л. Е. Да, согласна. В плане проговаривания нюансов – очень тонко. В плане эмоций тоже сильно. Как в жизни: иногда предельно экспрессивно, иногда медитативно. Мне очень помнится Ваш буквально крик: «Кто бы мог знать, что Юлия, Юлия, Юлия!..». И даже когда эмоция сдерживается, ты ощущаешь эту бесконечную скорбь:

*Кто бы мог знать, что так вычеркнут и сотрут
Линию на руке, ямочку на щеке.
В парке старинный пруд,
И на стальном замке
Вот уже много лет имя ее горит.*

М. С. Это осень 2011-го. Возвращаемся с Волошинского фестиваля в Коктебеле. Там мы были четвером, привычной компанией: Ната Сучкова, Ольга Кузнецова, Елена Волкова. Не помню, куда делись Ольга и Елена, но мы с Натой ехали на верхних полках купе у туалета вдвоем, внизу какие-то мамочки с младенцами, не дававшими спать. Духота, жара... поезд – просто кошмар. Украинский тогда еще. Билеты еле купили. Но везли приятные воспоминания – о поэтах, стихах, музеях, природе. Я вообще впервые была в Крыму. Впервые поднималась на Волошинскую гору и на Карадаг. Эмоций – через край, ехала, предвкушая, как буду делиться и рассказывать о «коктебелочке», винограде, висящем над головой, холодном море, крепости в Феодосии... Это было через год после окончания университета. Я тогда работала на своей родной кафедре у Александра Васильевича Камкина. Он отпустил на неделю, несмотря на то, что начался учебный год, отпуска закончились. Всегда понимал, что для меня это важно. И вот приезжаем в Вологду рано утром, как это водится, с мос-

ковским поездом. Ложусь спать и только в обед начинаю приходить в себя после дороги. И захожу в ЖЖ. Попадается пост Антона Черного, в котором он пишет о своем друге Ване, о том, что тот погиб. Пролыставаю ленту дальше и вдруг чувствую, как по телу побежали мурашки... мгновение приближения ужаса, когда чужое становится близким.

Ребята погибли четвером: Юлия – одноклассница и однокурсница, Ваня, Ирина, Регина. Это о них на трассе Новая Ладога под Шексней долгое время стояли четыре венка. Светлая память.

Тот день был днем похорон.

Л. Е. Светлая память. Очень сильно. «Стоишь на краю, и движется вверх / белое поколение, натянутый нерв...»

И я очень люблю Ваше медитативное:

*Перейти реку по реке или мост по мосту?
Дорожка посыпана солью, соль – песком.
Пока выберешь – пройдет не один человек,
Собака остановится. В глаза посмотрит.
Выключится в доме на другом берегу свет.
...*

М. С. Почему медитация? Скажу, что для меня в этом тексте ситуация, когда ты останавливаешься внезапно, оглядываешься и начинаешь видеть то, чего до этого не замечал, потому что не обращал внимания, потому что торопился: «дорожка посыпана солью», «выключится свет на другом берегу» и даже «собака посмотрит в глаза». Обычные вещи, но значение они обретают, только если на них сфокусироваться. Какое значение? Это уже читателю на откуп «сложено и оставлено».

Л. Е. Это очень мое состояние на пути с работы домой. Утром скорее перебежишь через реку, а вот вечером можно созерцательно не торопясь идти по берегу Вологды.

А поэтическая медитация мне очень близка в ее английской традиции. Она связана с системой индивидуальной медитации, разработанной в «Духовных упражнениях» Игнатием Лойолой, главой Ордена иезуитов. Это в духе характерного для Контрреформации чувственного подхода к религии. Система была очень популярна среди духовенства и католиков-мирян в XVI–XVII веках. Отрабатывались психофизические навыки: в воображении детально воспроизводились евангельские сцены – вызывались необходимые эмоции. Мне это близко по сонетам Донна, над которыми я много размышляла. И вот люблю элементы медитации у Вас – не религиозной, но медитации – погружения, «обращения внимания» на все, очень четкого видения, чуткого вслушивания.

Интересно, что такого рода видение у Вас, похоже, с самого детства. Я сначала читала в интервью, что Ваши первые стихи – в 4 года – папа записал на аудиокассеты. Потом, читая «Маленькие Марии», обратила внимание на эту зафиксированную детскую фразу: «...занавески ходят по окну, / и телевизор бегают, и всё вокруг» [6, с. 20]. Но вот тут картинка не совсем для меня зрима. Тюль и/или шторы раздвигаются, а как запускается бег телевизора?

М. С. Верно, иногда вспоминаю эту историю. Действительно, в детстве папа записывал на аудио-

магнитофон все нелепости, которые мы с братом болтали совсем маленькими. Эти кассеты долгое время хранились. Когда я стала постарше, уже лет в 6–7, переслушивала по много раз и самой себе очень нравилась. Так и получилось, что строчки, вполне себе поэтически-верлибристические, запомнились. Если бы не зафиксировали, то, скорее всего, забыла бы об этом. Хотя, может, и нет. Помню саму ситуацию. Она такая, какой ее и описываю: прыгала по подоконнику, дергала тканевые бордовые с ромбами шторы и пыталась на них качаться (ох, ужас), представляя, как долечу до телевизора, стоявшего у стены на тумбе. Вот все и «бегает вокруг». Очень условно, но вполне осязаемо.

Л. Е. Раскачивая на шторах я почему-то не ожидала (улыбается). Действительно, очень заманчиво для 4-летней.

Если бы мне надо было Вас представить незнакомой аудитории, скажем, тремя стихотворениями, я бы выбрала 1) «Маленькие Мариин», 2) о Спасе-Всеграде, 3) стихотворение о Юлии (хотя драматический накал не позволяет, по-видимому, читать его вслух – только глазами).

Первое мне кажется просто «визитной карточкой»:

*по образу и подобию
из меня вырастают фобии,
из меня вырастают растения –
маленькие, весенние,
маленькие мариин
с крыльями и пуповиной,
маленькие мариин –
живые наполовину.*

А как оно пришло к Вам? Весной? Вы шли? Утром проснулись и расслышали это?

И три стихотворения, представляющие Вас, на Ваш выбор.

М. С. Заглавное для книги «Маленькие Мариин» стихотворение написала на паре в университете (да простят меня педагоги!). Какое время года было – не помню. Никакой радости от него не испытывала и не испытываю, оно меня страшит. Это как какой-то клубок, который я тогда из себя выплюнула – очень физиологично. Абсолютное внутреннее сопротивление, борьба с самой собой.

Три «моих» текста на сегодня: «Маленькие Мариин», цикл про Ганну и «Пригоревшая первая буква имени».

Л. Е. Да, о последнем я тоже думала. Мне очень нравится у Вас прикосновение к райскому. Ощущения любви и рая.

Про журналистику напоследок?

М. С. Про журналистику можно сделать отдельное интервью. Это такая же моя жизнь, как и поэзия! Хотя я и никогда не хотела работать журналистом, насколько помню, а когда пришла в эту профессию,

то полюбила не сразу. Не скажу, что мне не нравилось (к работе отношусь как к работе, в первую очередь), но притирка была длительной. С перерывом в несколько лет на аспирантуру, работу в коммерческом вузе и надежды, связанные с научной деятельностью соответственно. Томик диссертации – вполне дописанной, так и лежит, смотрит на меня с укором. Но не срослось, не сложилось. Не хватило мотивации и много чего еще. Но благодаря этому сейчас я журналист регионального телеканала «Русский Север». Как его называют – «телеканала с характером». И только в последние годы я саму себя ощущать стала именно журналистом. И счастлива от этого.

В эссе Елены Пестеревой, посвященном в основном новой книге Наты, есть упоминание других вологодских авторов, и меня в том числе, как «культурного журналиста» [1]. Помню, Андрей Пермяков тоже в своей статье о вологодских именуется меня то ли «заметным», то ли «достаточно заметным» ну или как-то так журналистом¹. Поэты, приезжающие в Вологду, те, с кем я знакома, скорее всего, думают, что я корреспондент культурных тематик. Но это не так. Мы здесь все универсалы. Сегодня – культурные, завтра – не очень. А еще я очень не хотела делать литературную программу! Вы не представляете, как не хотела. Кстати, когда пришла работать на РС, то главный редактор говорила о том, что хочет видеть меня именно в этом направлении. Я ее надежды не оправдала вовсе, мне кажется. Не ухватила за эту возможность, не бросила все силы. Вот честное слово – не понимала, как делать литературный проект на ТВ. Слишком все герои мне близкие, как с ними разговаривать? Как брать интервью? Если с некоторыми я на кухне интервьюируюсь чуть не каждый день... Но потихоньку сделали. Было шесть выпусков. Я благодарна всем за отзывы, их было много! И я много думала, что изменить, чтобы стало лучше. И в 2020-м – Вам первой сообщаю – программа начнет выходить снова и будет называться «К слову». К слову, Людмила, надеюсь на Ваше участие. Цикл статей о вологодских авторах – благороднейшее дело. Считайте это официальным приглашением.

2 января 2020

Литература

1. Пермяков, А. Другие взрослые. О книге Натальи Боевой и новой вологодской поэзии / Андрей Пермяков. – Текст : электронный // Литература. – 2016. – 19 апреля (№ 74). – URL: <http://literatura.org/criticism/1716-andrey-permyakov-dругие-vzroslye.html> (дата обращения: 29.09.2020).

2. Пестерева, Елена. – Текст : электронный // Легкая кавалерия. Выпуск № 9. – URL: <http://cavalry.voplit.ru/sep-tember2019> (дата обращения: 29.09.2020).

3. Сучкова, Н. Адамов труд / Н. Сучкова // Суворова, Мария. Маленькие Мариин. Книга поименованных вещей. – Москва : Русский Гулливер ; Центр современной литературы, 2015. – С. 6–8.

M.Ye. Suvorova, L.V. Yegorova

MARIYA SUVOROVA: LIFE BETWEEN LINES

Discussion of her biography, books, poems, memories with the poet Mariya Suvorova.

Mariya Suvorova, Vologda, poetry.

¹ У Андрея – «вполне успешный журналист» [2]. – Л. Е.